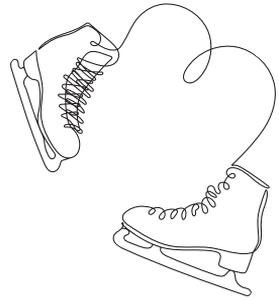


*Моей лучшей подруге
и вообще — лучшей из всех,
кого я знаю, моей маме,
поистине классной женщине*



ГЛАВА ПЕРВАЯ

Зима/весна 2016 г.

Грохнувшись на задницу пять раз подряд, я решила, что пора закругляться.

По крайней мере, на сегодня все.

Еще пару часов многочисленных падений моя задница может стерпеть и завтра. Точнее, могла бы, если б я, черт побери, поняла, что делаю неправильно. Уже второй день я не могла нормально приземлиться после проклятого прыжка.

Переворачиваясь на ягодицу, которая больше всего пострадала от падений, я в отчаянии выдохнула, едва сдерживаясь, чтобы не выругаться — хотя больше всего мне хотелось заорать «сукин ты сын». Я запрокинула голову к потолку и в ту же секунду осознала свою ошибку, потому что помнила, что свисает с потолка куполообразного строения. В принципе то же, что маячило у меня перед глазами последние тринадцать лет.

Баннеры.

Баннеры, свисающие со стропил.

Баннеры с одним и тем же дурацким именем на них.

ИВАН ЛУКОВ. ИВАН ЛУКОВ. ИВАН ЛУКОВ.

И снова: ИВАН ЛУКОВ.

Были и другие имена, по праву находившиеся рядом, — другие несчастные души, партнером которых он был много лет, но именно его имя неизменно бросалось мне в глаза. Не потому, что он делил фамилию с дорогим мне человеком, а потому, что его имя напоминало мне о самом Сатане. Я была совершенно уверена, что родители усыновили его прямиком из ада.

Но в тот момент ничто больше не имело значения, кроме этих свисающих с потолка шпалер.

Пять голубых баннеров, каждый из которых свидетельствовал о выигранном им национальном чемпионате. Два красных баннера за два чемпионата мира. Два бледно-желтых баннера за две золотые медали. Один серебристый баннер в честь его единственной серебряной медали, взятой на чемпионате мира, которая теперь лежала в наградном ящике на входе в здание.

Фу. Высочка. Мудак. Придурок.

И слава богу, блин, что там не было баннеров за каждый его кубок или каждое соревнование, в которых он одерживал победу на протяжении долгих лет, иначе весь потолок был бы завешан разноцветными баннерами и мне пришлось бы блевать каждый день.

Столько баннеров... и ни одного с моим именем. Ни единого. Неважно, как упорно я трудилась, как старательно тренировалась, все это было неважно. Потому что никто не помнит о том, кто стоит на втором месте, если только ты — не Иван Луков. А я им не была.

Зависть, на которую я не имела права, но которую не могла оставить без внимания, пронзила меня прямо в грудь, и мне стало противно. *Офигительно противно*. Волноваться из-за того, что делают другие, — пустая трата времени и сил, я поняла это еще ребенком, когда видела красивые костюмы и новые коньки у других девочек. Завидовать и обижаться — удел тех, кому больше нечего делать, вот так-то. Я это знала. Если тратить время на сравнения с другими, не получится стать успешным. Это я тоже знала.

И мне никогда не хотелось быть таким человеком. Тем более такой дурой. Я бы лучше унесла эту трехсекундную зависть с собой в могилу, чем рассказала бы кому-то, как на меня действуют эти баннеры.

Напомнив себе об этом, я перевернулась на колени, чтобы больше не видеть дурацких тряпок.

Шлепнув руками по льду, я заворчала, подтянув под себя ноги — удерживать равновесие на коньках было моей второй

натурой, — и наконец встала. *Снова*. В пятый, мать твою, раз меньше чем за пятнадцать минут. Слева все болело — тазовая кость, ягодица и бедро, а днем позже будет болеть еще сильнее.

— Вот херня, — пробормотала я себе под нос, чтобы никто из девчонок, катающихся вокруг, не услышал. Меньше всего мне хотелось, чтобы одна из них пожаловалась на меня администрации. *Снова*. Маленькие стукачки. Как будто они не слышали мат в телевизоре, на улице или в школе.

Стряхнув с бока лед, оставшийся после падения, я сделала глубокий вдох, втягивая вспыхнувшее в теле разочарование во всем — в себе, в своем теле, в своем положении, в своей жизни, в других девушках, рядом с которыми, черт побери, даже ругаться нельзя, и особенно в сегодняшнем дне. Мало того, что я проспала и не смогла приземлиться после прыжка, на работе я *дважды* пролила кофе себе на юбку, чуть не сломала коленную чашечку, пока открывала дверцу машины, а теперь еще и вторая долбаная тренировка подряд...

Если воспринимать жизнь как грандиозный замысел, тот факт, что я не смогла приземлиться после прыжка, который делала уже на протяжении десяти лет, ничего не значит. Об этом легко забыть. Просто неудачный день. *Очередной* неудачный день. Ничего сверхъестественного. Всегда найдется что-нибудь похуже, что в теории могло бы произойти, а когда-нибудь, в один день, и произойдет. Легко принимать все как должное, когда думаешь, что у тебя есть все.

Но когда начинаешь принимать как должное самые основополагающие вещи, жизнь решает напомнить тебе о том, что ты — неблагодарная идиотка.

А сегодня я считала само собой разумеющимся, что приземлюсь после тройного сальхова¹, прыжка, который исполняю уже десять лет. Это не самый простой элемент в фигур-

¹ Сальхов — элемент фигурного катания, реберный прыжок, назван в честь шведского фигуриста Ульриха Сальхова. (*Здесь и далее, если не указано иное, — примечания переводчика.*)

ном катании — перед тем как оторваться от земли, нужно отъехать назад на заднем внутреннем ребре конька, а потом сделать три оборота. И при этом фигуристка, сделав мах другой ногой, должна приземлиться на эту же ногу, на заднее наружное ребро конька — но, безусловно, таких трудностей, как сегодня, у меня и в помине не было. Обычно сальхов я исполняла с легкостью.

Но, видимо, не сегодня и не вчера.

Прижав тыльные стороны ладоней к векам и надавив на них, я глубоко вдохнула, а потом медленно выдохнула, вращая при этом плечами. Нужно успокоиться и просто пойти домой. Утро вечера мудренее.

И ведь не то чтобы я собираюсь в ближайшее время участвовать в соревнованиях, — напомнила моя практичная, но абсолютно мудацкая часть мозга.

Как и всякий раз, когда я думала об этом «потрясающем» факте, у меня свело живот от праведного гнева... и чего-то еще, что было ужасно похоже на безысходность.

И я точно так же затолкала эти эмоции глубже, глубже, глубже, так глубоко, что их нельзя было ни увидеть, ни потрогать, ни понюхать. *Они были бесполезными.* Я это знала. Совершенно бесполезными.

Я не сдамся.

Сделав еще один вдох и выдох и неосознанно потеряв ноющую ягодицу, о чем забыть было труднее всего, я в последний раз за день окинула взглядом каток. Видя девушек гораздо моложе меня, все еще продолжающих тренироваться, я снова насупилась. На катке было три девушки примерно моего возраста, а другие казались еще подростками. Может, они были не слишком хороши, по крайней мере не так хороши, как я в их возрасте, но тем не менее. *У них впереди была вся жизнь.* Только в фигурном катании и, может, в гимнастике вас могут считать старой в двадцать шесть лет.

Да, нужно пойти домой и лечь на диван у телевизора, чтобы покончить с этим проклятым днем. Ничего хорошего у меня никогда не получится, если я буду упиваться жалостью к себе. Ничегошеньки.

Мне понадобилось не более двух секунд, чтобы, лавируя среди других спортсменов на льду и объезжая их, добраться до низкого бортика по периметру катка и ни в кого не врезаться. На том самом месте, где я всегда оставляла чехлы от коньков, я их и нашла и, прежде чем шагнуть на твердую землю, натянула на прикрепленные к ботинкам широкие четырехмиллиметровые лезвия.

Я старалась не обращать внимания на то, что ощущение скованности, опоясывающее грудь, не было просто сильным разочарованием от того, что я так часто падала. А может, и было.

Я была не готова поверить в то, что, скорее всего, попусту трачу время, дважды в день посещая Ледяной дворец спорткомплекса Луковых в надежде однажды снова принять участие в соревнованиях. Потому что сама мысль о том, чтобы отступить, казалось, означала, что последние шестнадцать лет моей жизни были потрачены впустую. Что меня практически лишили детства из-за какой-то ерунды. Что я пожертвовала общением и нормальной человеческой жизнью ради своей мечты, которая когда-то была такой огромной, что никто и никто не мог отнять ее у меня.

Что моя мечта выиграть золотую медаль... хотя бы на чемпионате мира, даже на национальном чемпионате... не раскололась вдребезги на мельчайшие частички размером с конфетти, за которые я по-прежнему цеплялась, несмотря на то, что в глубине души понимала: все это скорее причиняет мне боль, чем помогает.

Нет.

Но от всех этих мыслей и сомнений у меня почти ежедневно болел живот и меня время от времени тошнило.

Мне нужно расслабиться. Или, может, помастурбировать. Что-то из этого должно помочь.

Дрожа от паршивого ощущения в животе, я обошла каток и, затерявшись в толпе, пошла дальше по коридору, ведущему к раздевалкам. Вокруг катка на бортике висели родители и дети, готовые к вечерним занятиям, тем самым занятиям, которые я начала посещать в девять лет, пока не перешла

в небольшую группу и не стала брать частные уроки у Галины. Старые добрые времена.

Пригнув голову и избегая встречаться взглядом с кем бы то ни было, я шла дальше, и мимо проходили люди, которые также избегали поднять на меня глаза. Уже идя по коридору к месту, где оставила свои вещи, я заметила стоявшую неподалеку группу из четырех девочек-подростков, притворявшихся, что делают растяжку. Притворявшихся, потому что невозможно сделать хорошую растяжку, если ты болтаешь, и болтаешь без умолку.

Во всяком случае, я так думала.

— Привет, Джесмин! — поздоровалась одна из них, которая, как я помнила, всегда уступала мне дорогу, демонстрируя свое дружелюбие.

— Привет, Джесмин! — вторила ей стоявшая позади девушка.

Мне не оставалось ничего другого, кроме как кивнуть им, хотя в этот момент я прикидывала, сколько времени понадобится, чтобы вернуться домой и либо приготовить что-нибудь поесть, либо разогреть в микроволновке то, что приготовила мама, и, возможно, усесться у телевизора. Может быть, если бы тренировка прошла лучше, мне захотелось бы чего-нибудь еще, например отправиться на пробежку или даже заехать к сестре, но... этому не суждено было случиться.

— Удачной тренировки, — пробормотала я, глядя на двух подружек и сверкнув глазами на двух других, молча стоявших напротив. Они показались мне знакомыми. Скоро должно было начаться занятие для фигуристов средней возрастной группы, на которое, как я предположила, они и были записаны.

— Спасибо, и вам! — громко выкрикнула первая из заговоривших со мной девочек, но тут же умолкла и покраснела; такой оттенок красного я видела только у одного человека — у своей сестры.

Улыбка, заигравшая у меня на губах, была искренней и неожиданной, потому что девочка навела меня на мысль

о банке «Скверта»¹, и я ткнулась плечом в распашную дверь раздевалки. Не успев сделать и шага вперед и все еще придерживая плечом открытую дверь, я услышала:

— Не знаю, почему ты так ей радуешься. Может, она и была хорошей одиночницей, но она же постоянно задыхалась, а о карьере в парном катании и говорить нечего.

И... я замерла. Прямо там, где стояла. В дверном проеме. И сделала то, что, как я отлично знала, было неудачной идеей, — я прислушалась.

Подслушивание никогда никому не шло на пользу, но я все равно это сделала.

— Мэри Макдоналд катается в паре лучше нее...

Вот они о чем...

Дыши, Джесмин. Дыши. Молчи и дыши. Думай о том, что сказать. Думай о том, чего ты добилась. Думай о...

— ...в противном случае в последнем сезоне Пол не взял бы ее себе в партнерши, — закончила девочка.

Оскорбление запрещено законом. Но слишком ли противозаконно ударить подростка?

Дыши. Думай. Будь добрее.

Я достаточно взрослая, чтобы быть умнее. Я знаю. Я достаточно взрослая, чтобы не позволить какой-то маленькой идиотке, вероятно еще даже не достигшей половой зрелости, оскорблять себя, но...

Карьера в парном катании — моя больная мозоль. А точнее, кровотокающий волдырь, который отказывается заживать. Не сжечь ли мне заживо Мэри Макдоналд и засранца Пола? Вчера ночью я вдоволь насмотрелась «Семейки Брэди»², когда не смогла заснуть, чтобы запомнить все разборки Яна с Марсией. Я бы тоже возненавидела ее задницу. Точно так же, как возненавидела задницу Мэри Макдоналд.

— Вы смотрели видео с ней? Мама говорит, что у нее дурной характер, поэтому она никогда не выигрывала, судьи ее

¹ «Squirt» (англ.) — газированный безалкогольный напиток без кофеина, со вкусом грейпфрута. Бывает ярко-красного цвета.

² «Семейка Брэди» — американский комедийный телесериал.

не любят. — Другая девочка попыталась перейти на шепот, но я все равно слышала каждое ее слово.

Мне не нужно было этого делать. Мне ничего не нужно было делать. Ведь они еще дети, пыталась я убедить себя. Они не знают всего. Они не знают даже части моей истории. Большинство людей не знает и никогда не узнает. Я смирилась и переступила через это.

Но между тем одна из них продолжала говорить, и я поняла, что не смогу к чертовой матери смолчать и позволить им нести этот бред. На меня навалилось так много всего, что уже трудно было вытерпеть. День не сложился уж точно.

— Моя мама сказала, что она тренируется исключительно потому, что дружит с Кариной Луковой, но, говорят, с Иваном они не ладят...

Еще бы, блин, чуть-чуть, и я бы фыркнула. Мы с Иваном не ладим? Так они это называют? *Прекрасно*.

— Она та еще стерва.

— Никто даже не удивился, что она не нашла партнера после того, как Пол ее бросил.

Ах вот как.

Может, если бы они не произнесли имя на букву П еще раз, я смогла бы повести себя как большая, но, пошло оно все на хер, я метр шестьдесят ростом, так что «большой» мне все равно не стать.

Не сумев сдержать себя, я развернулась и высунула голову из двери: девочки были там же, где стояли минуту назад.

— Что вы только что сказали? — медленно спросила я, хотя бы оставив при себе: *вы, бездарные засранки, у которых ни хрена никогда не выйдет*. Я намеренно посмотрела на тех двух, которые не поздоровались со мной; их головы в ужасе повернулись в мою сторону, как только я заговорила.

— Я... я... я... — Одна из них заикалась, а другая смотрела так, словно вот-вот испачкает свой купальник и колготки. Отлично. Я надеялась, что так оно и случится. И что это будет понос, который растечется повсюду.

Мне показалось, что я не меньше минуты пристально смотрела на каждую, наблюдая, как их лица окрашиваются в яр-

ко-красный цвет, и получала от этого удовольствие... но не такое большое, как получила бы при обычных обстоятельствах, если бы уже сама не достала себя больше, чем они. Вскинув брови, я повернула голову в сторону длинного, похожего на туннель коридора, по которому только что пришла с катка в раздевалку, и одарила их улыбкой, совсем не похожей на улыбку.

— Так я и думала. Бегите на тренировку, пока не опоздали.

Каким-то чудом я удержалась от того, чтобы не прибавить в конце «засранки». Иногда мне прямо можно было вручать медаль за то, что я так терпелива с идиотами. Если бы только устраивали соревнования подобного рода, я бы победила.

Очень вероятно, что я бы никогда в жизни не увидела настолько быстро передвигающихся людей (разве что на соревнованиях спринтеров на Олимпиаде). Две других, более доброжелательных девочки выглядели слегка шокированными, но, смущенно улыбнувшись мне, пошли друг за другом и стали перешептываться.

Вот из-за таких девочек я давно прекратила попытки завести подруг среди фигуристок. Маленькие засранки. Я показала им средний палец, правда, легче от этого не стало.

Мне надо было выпустить пар. Очень, очень надо.

Наконец я вошла в раздевалку и упала на одну из скамеек, стоящую перед рядом шкафов; пока я шла, боль в тазобедренном суставе и бедре усилилась. Я падала и больнее, чем сегодня, но, даже зная это, невозможно до конца «привыкнуть» к боли; когда испытываешь ее регулярно, заставляешь себя преодолевать ее быстрее. А дело в том, что я тренировалась не так, как привыкла, — ведь у меня не было партнера и тренера, который ежедневно исправлял бы мои ошибки на протяжении нескольких часов, — поэтому мое тело забыло, что ему нужно делать.

Просто еще один дерьмовый намек на то, что жизнь продолжается даже вопреки моей воле.

Вытянув ноги вперед, я не обращала внимания на пятерых подростков постарше, теснившихся на противоположной сто-